

DOI: 10.31696/S086919080034731-1

АЗИЯ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО: МЕЖДУ АДАПТАЦИЕЙ И ИГНОРИРОВАНИЕМ (ЧАСТЬ 2)

© 2025

В.Л. ТОЛСТЫХ ^a

^a – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-5103-5324; vlt73@mail.ru

Резюме: *Международное право с трудом приживается на азиатской почве. Представители TWAIL считают, что это связано с его колониальным характером и призывают предоставить азиатским странам больше прав на участие. Проблема, однако, выглядит более глубокой: отчуждение Азии от международного права не связано исключительно с дискриминацией (и не может быть преодолено ее отменой), но определяется различиями политического опыта Европы и Азии. Социальной средой западного международного права является устойчивое сообщество секулярных государств-наций, отправляющих суверенную и эффективную власть в пределах определенных территорий. В Азии никогда не существовало такого сообщества, а ее политический ландшафт сформировался под влиянием иных факторов. Наиболее важными факторами являются транзитное положение азиатских регионов, особый способ ведения хозяйства, исламские и буддистские правовые концепции, политический инжиниринг и пульсация империй. Применение западных концепций к азиатским реалиям в этой связи часто предполагает выбор между адаптацией первых ко вторым и игнорированием вторых. Адаптация подрывает универсальный характер общего права и вызывает сбой в работе азиатских институтов. Игнорирование, в свою очередь, чревато неэффективностью и конфликтами. На практике суды и доктрина чаще используют стратегию игнорирования – например, в ситуациях выбора способа самоопределения, установления территориальных титулов, делимитации, определения режимов морских пространств и пр. Доктрина и суды должны отказаться от нее и применять нормы международного права более гибко. В одних случаях для этого потребуются констатировать или создать *lex specialis*, в других случаях достаточно изложить оригинальные азиатские концепции на языке современного международного права. Отказ от стратегии игнорирования поможет разрешить некоторые конфликты, а в общем плане станет важным фактором эффективности и универсальности международного права.*

Ключевые слова: региональное международное право, исламское право, международные споры, государство, суверенитет, право наций на самоопределение, территориальные титулы, государственные границы, критические исследования

Для цитирования: Толстых В.Л. Азия и международное право: между адаптацией и игнорированием (Часть 2). *Восток (Oriens)*. 2025. № 3. С. 193–206. DOI: 10.31696/S086919080034731-1

ASIA AND INTERNATIONAL LAW: BETWEEN ADAPTATION AND DISREGARD
(PART 2)

© 2025

Vladislav L. TOLSTYKH ^a

^a – Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-5103-5324; vlt73@mail.ru

Abstract: *International law is taking root in Asia with significant difficulty. TWAIL (Third World approaches to international law) believes that this is caused by its colonial character and calls for greater participation rights for the Asian countries. However, the problem goes deeper: Asia's alienation from international law is not only due to discrimination (and cannot be overcome by abolishing it), but is determined by the difference in political experiences of Europe and Asia. The social milieu of Western international law is a stable community of secular nation-states exercising sovereign and effective authority within defined territories. Asia has never had such a community, and its political landscape has been shaped by other factors. The most important factors are the transit position of Asian regions, the original type of economy, Islamic and Buddhist legal concepts, political engineering and the pulsation of empires. The application of Western concepts to Asian realities is often a choice between adapting the former to the latter and ignoring the latter. In practice, courts and doctrine more often use the strategy of disregard – for example, choosing the mode of self-determination, establishing territorial titles, delimitation, etc. Doctrine and courts should abandon this strategy and apply international law more flexibly. In some cases, this will require creation of *lex specialis*; in other cases, it will be sufficient to articulate original Asian concepts in the language of modern international law. Abandoning the strategy of disregard would help to resolve some conflicts and become an important factor in the effectiveness and universality of international law.*

Keywords: regional international law, Islamic law, international disputes, state, sovereignty, right of nations to self-determination, territorial titles, state borders, delimitation, critical studies

For citation: Tolstykh V.L. Asia and International Law: Between Adaptation and Disregard (Part 2). *Vostok (Oriens)*. 2025. No. 3. Pp. 193–206. DOI: 10.31696/S086919080034731-1

3. ЭМПИРИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ ПРОБЛЕМЫ

Применение западных правовых концепций к азиатским реалиям часто предполагает выбор между *адаптацией* первых ко вторым и *игнорированием* вторых. Адаптация подрывает универсальный характер общего права и вызывает сбой в работе азиатских институтов. Игнорирование, в свою очередь, чревато неэффективностью и конфликтами. Оба решения, таким образом, являются неудачными. На практике, однако, суды и доктрина чаще используют стратегию игнорирования – более привычную и простую в применении. В данном параграфе рассмотрены несколько «сквозных» ситуаций, в которых встает данная проблема.

1) *Суверенитет и личная зависимость*. Некоторые сообщества Азии и Африки были структурированы на основе принципа личной зависимости: правитель обладал властью не над определенной территорией, а над конкретными лицами (вассалами), принесшими ему присягу верности или связанными с ним иным образом. Должна ли эта зависимость учитываться при выборе способа самоопределения и определении территориальных ти-

тулов? Общий ответ на этот вопрос – скорее отрицательный; таким образом, речь идет об *игнорировании*.

В деле *Западной Сахары* Марокко утверждало, что этот регион был отторгнут у него в ходе колонизации, настаивало на его реинтеграции и просило учесть специфику государства Шерифов, основанного на общей религии и лояльности различных племен султану. Оно ссылалось на сбор налогов, назначение султаном кади, его визиты в регион, ведение военных действий против иностранцев и проч. В Заключении от 16 октября 1975 г. Международный суд ООН (МС ООН) счел, что общая религия не свидетельствует о едином государстве, а лояльность должна выражаться в актах признания политической власти. Доказательства Марокко – неубедительны, а само оно не осуществляло территориального суверенитета в отношении Западной Сахары. Султан, однако, осуществлял власть над некоторыми кочевыми племенами. Судья И. Форстер (Сенегал) упрекнул Суд в пренебрежении контекстом: от Африки нельзя требовать, чтобы ее институты точно копировали европейские, ибо тогда почти весь континент должен быть объявлен *terra nullius*; правовые связи, установленные Судом, следовало сопоставить с понятиями «государство» и «суверенитет». А. Бони (Кот-д’Ивуар) указал, что для племен Сахары султан был представителем Бога на земле – поэтому связь с ним носила характер территориального суверенитета.

Другой пример – *статус Тибета*. Начиная с 1720 г. Китай имел в Тибете своего представителя (амбаян) и гарнизон. В 1910 г. китайские войска заняли Тибет, но уже в 1912 г., после Синхайской революции, покинули его. В 1913 г. Тибет провозгласил независимость, но в 1950 г. его территория была занята Китаем. Некоторые авторы считают, что Китай и Тибет связывали отношения протектората, а не суверенитета; вторжение 1950 г. в этой связи является незаконной оккупацией. М. Ван Волт, советник тибетского правительства в изгнании, делает акцент на принципе чой-йон (*Chöyön*), согласно которому тибетские ламы выступали духовными наставниками монгольских ханов и императоров, а те, в свою очередь, принимали их под покровительство и оказывали им военную помощь (тем более, что монахам запрещено убивать других существ). Эти отношения предполагают не неравенство, а симбиоз ламы и мирского последователя, личную связь двух глав государств [Van Walt, 1987]¹. Китайские авторы, в свою очередь, утверждают, что Тибет был включен в трибутарную систему Китая, начиная с династии Юань (XIII в.); его временная независимость – следствие колониальной политики Британии и внутренних китайских смут. Указанная система (*Chaogong Tixi*) была построена на идее превосходства Китая и включала четыре инструмента: *Cefeng* (жалование титулов), *Hushi* (торговля), *Huimeng* (заключение альянсов) и *Heqin* (брачный союз). Некитайские образования делились на государства, принявшие конфуцианскую культуру (Япония, Корея, Вьетнам), и кочевые племена (хунну, монголы и др.). Меньшинства делились на внешних (*Wai Fan*) и внутренних данников (*Nei Fan*). Первые сохраняли независимость; вторые – контролировались двором при помощи специальных чиновников и включались в состав империи [Wang, 2021, p. 15–42].

Еще один пример – вопрос о принадлежности *островов Абу-Муса и Большой и Малый Томбы*. Один из аргументов ОАЭ состоит в том, что эти острова управлялись шейхами Аль-Касими, осуществлявшими суверенитет в отношении порта Ленге (иранское побережье); Иран же утверждает, что Аль-Касими выступали не в качестве суверенов, а в качестве агентов персидского шаха.

2) *Территориальные титулы*. В соответствии с концепцией эффективной оккупации для приобретения *terra nullius* суверен должен совершить в её отношении формальные акты политической власти; речь может идти о принятии законов, регулировании хозяй-

¹ Э. Стерлинг считает, что интерпретация концепции чой-йон М. Ван Волтом ошибочна: на самом деле этот принцип не исключал политического подчинения Тибета Китаю [Sperling, 2004].

ственной деятельности, отправлении правосудия и т. п.² Применение данной концепции в Азии сталкивается с рядом трудностей, но, как и в предыдущем случае, часто предполагает *игнорирование* азиатских реалий.

Во-первых, во время кризисов региональные державы могут утрачивать контроль над периферийными территориями. С точки зрения общего права эти территории становятся *terra nullius* и признаются открытыми для присвоения; такое присвоение, однако, может восприниматься как незаконное (тем более, что общее право не требует, чтобы государство осуществляло *постоянный* контроль). Так, Иран не признаёт принадлежности островов Абу-Муса и Томбы ОАЭ, ссылаясь на то, что они были захвачены кланом Аль-Касими в XVIII в., когда Персия столкнулась с вторжением афганцев и переживала внутреннюю смуту [Asghar Ja'fari Valadani, 2015; Mojtabehzadeh, 2014; Roshandel, 2002]. Другой пример – Китай, считающий, что Индия неправомерно завладела областями Аксайчин и Аруначал-Прадеш (Южный Тибет), воспользовавшись его слабостью после Синьхайской революции³.

Во-вторых, на Востоке не была распространена практика совершения формальных актов, подтверждающих оккупацию. Она возникла в Европе, в рамках позитивистской правовой традиции, а ее автоматический перенос на азиатскую почву может подрывать уже сложившиеся титулы. Так, Иран утверждает, что он не устанавливал опознавательные флаги над островами в Ормузском проливе, так как его владение ими было общепризнанным, в отличие же флага Шарджи на Абу-Мусе в 1903 г. является противоправным актом. В деле о территориальном суверенитете арбитражный суд прибег к спорной концепции смежности, во-многом потому что Эритрея и Йемен не смогли предоставить доказательства, подтверждающие эффективную оккупацию островов в Красном море (Решение от 9 октября 1998 г.).

В-третьих, некоторые территории длительное время использовались гражданами определенного государства; при этом само данное государство не осуществляло в их отношении актов *à titre de souverain*. С точки зрения общего права, такое использование не создаёт титула: ссылка Китая на деятельность хайнаньских и гуандунских рыбаков в районе островов Спратли не была поддержана арбитражным судом в Решении по делу Южно-Китайского моря от 12 июля 2016 г., а ссылка Индонезии на деятельность ее рыбаков в районе островов Пулау-Лигитан и Пулау-Сипадан не была поддержана МС ООН в Решении от 17 декабря 2002 г.

Данный подход не выглядит бесспорным. А. Карти справедливо указывает: «Исторически сложилось так, что тот или иной народ занимает определённую территорию или сделал это с незапамятных времен и считает эту территорию принадлежащей ему, считает ее своим домом. Государство в этом случае – не более чем структура, которую народ создает, чтобы управлять своими делами». Из этого автор делает ряд выводов: легитимность присвоения определяется фактом нахождения народа на своей родине, историческим значением данной территории для данного народа; деятельность частных лиц подтверждает это значение; признание со стороны международного сообщества, наоборот, нерелевантно [Carty, 2019].

В качестве альтернативы концепции оккупации иногда рассматривают концепцию *консолидации исторического титула* (Ш. де Вишер), делающую акцент не на «способе»,

² В Решении по делу об острове Пальмас от 4 апреля 1928 г. арбитр М. Губер указал: «Суверенитет в отношении участка поверхности земного шара является правовым условием, необходимым для включения этого участка в территорию конкретного государства... Если по поводу суверенитета над участком территории возникает спор, обычно определяют, какое государство обладает титулом – цессия, завоевание, оккупация и т. д. – более сильным чем тот, который может выдвинуть против него другое государство... Титулы приобретения суверенитета основываются на актах эффективного присвоения».

³ Аксайчин был занят Китаем по итогам индо-китайской войны 1962 г.

а на «процессе» приобретения территории; условиями приобретения являются время, эффективный контроль и молчаливое согласие других государств⁴. В отличие от давности эта концепция может применяться к территориям, ранее не принадлежавшим ни одному государству; в отличие от оккупации она может применяться не только в отношении суши, но и в отношении морских пространств. Данная концепция более адекватна азиатским реалиям, но страдает некоторой неточностью [Tanaka, 2021].

3) *Res communis*. Суверенитет предполагает четкое определение принадлежности территории, исключительность владения ею и обязательную делимитацию. Концепция суверенитета не является сугубо европейским изобретением, она была знакома и Востоку [Tin-bor Hui, 2005, p. 413–416⁵]. В некоторых регионах Азии, однако, использовались иные способы распределения и использования пространства, основанные на идее *res communis*.

Во-первых, кочевые племена не имели четкого и исключительного ареала обитания: они часто перемещались в поисках новых пастбищ и делили свою территорию с другими народами, занимавшимися земледелием и торговлей. Это обстоятельство затруднило размежевание Кавказа в 1921 г. и Центральной Азии в 1924 г. и привело к ряду спорных решений (передача г. Ташкента, окруженного казахскими землями, Узбекистану; определение северной границы Казахстана; передача Нагорного Карабаха, населенного армянами, но использовавшегося тюрками для летнего выпаса, Азербайджану и др.). Альтернативой стало создание анклавов; неопределенность их режима, однако, провоцирует конфликты.

Во-вторых, некоторые акватории использовались народами, проживавшими на побережье, совместно; нормативной основой такого использования были местные обычаи и исламское право. В Решении по спору между Эритреей и Йеменом от 9 октября 1998 г. арбитражный суд отметил, что люди, живущие на берегах Красного моря, всегда были близки в культурном отношении и занимались одной деятельностью: они торговали, рыбачили и плавали, используя острова как остановки в пути и убежище от ветра. Эта деятельность осуществлялась в отсутствие разрешения правителя и публичного регулирования. Данная ситуация привела к возникновению режима *res communis*. На следующей стадии (Решение от 17 декабря 1999 г.) Суд подчеркнул необходимость уважения традиций региона, который вплоть до конца XIX в. находился под управлением Османской империи. Базовая исламская концепция, в силу которой все люди являются «слугами Бога» и могут удовлетворять свои потребности, свободно ведя рыбный промысел и продавая излишки, сохранилась в коллективном сознании. Хотя её бенефициарами являются сами рыбаки, она также применима к государствам. Рыбаки Эритреи и Йемена в этой связи имеют право на свободный доступ в район островов, присужденных Йемену. Они могут заниматься кустарным рыболовством, добывать моллюсков и жемчуг и использовать острова для сушки рыбы и починки судов. Сохранение данного режима является одним из немногих примеров *адаптации*.

4) *Право наций на самоопределение*. Концепция самоопределения предполагает учреждение новых государств на основе сложившихся этнических общностей, обладающих

⁴ «Основополагающий интерес в стабильности территориальных ситуаций в плане порядка и мира объясняет то место, которое закрепление на основе исторического титула занимает в международном праве, и гибкость, с которой применяется этот принцип. [...] Длительное использование, являющееся его основой, представляет собой лишь комплекс интересов и отношений, которые сами по себе имеют следствием присоединение территории или морского пространства к тому или иному государству. Именно эти интересы и отношения, варьирующиеся от случая к случаю, а не истечение определённого срока, в любом случае неизвестного международному праву, непосредственно учитываются судьей при принятии конкретного решения о наличии или отсутствии консолидации на основе исторического титула» [Visscher, 1967, p. 209].

⁵ Автор утверждает, что в Период Вёсен и Осеней центральные государства (*zhongguo*) были «суверенными и территориальными, поскольку претендовали на окончательную власть над четко разграниченными территориальными пространствами».

собственной исторической и культурной идентичностью (наций). Она также предоставляет право на сецессию нациям, находящимся под иностранной оккупацией, в колониальной зависимости или под управлением расистских режимов. Перенесение данной концепции на азиатскую почву сопряжено с тремя специфическими проблемами, в отношении которых международное право не разработало эффективных решений (оно, соответственно, *игнорирует* их).

Во-первых, право на самоопределение не распространяется на *суперэтности* (общности, состоящие из нескольких близких этносов). В качестве таковых могут рассматриваться арабы, сирийцы и жители Центральной Азии. Такие общности не вправе претендовать на создание своего большого государства (например, в форме федерации) и не защищены от искусственного разделения и создания на их основе отдельных конкурирующих друг с другом государств. Примером является размежевание Центральной Азии 1924 г.: если до него жители региона часто определяли себя просто как мусульмане, не относя себя к конкретной нации, то после него появились неоднородные в этническом плане узбеки, казахи и таджики⁶.

Во-вторых, в ходе деколонизации некоторые нации были лишены возможности создания собственных государств: вместо этого они были включены в состав новых, во многом искусственных образований; нередко такое решение было продиктовано эгоистическими интересами метрополии. Речь идет о курдах [Allain, 2004; Falk, 1994; Radprey, 2023]⁷, сикхах, тамилах Шри-Ланки и некоторых народах Кавказа. С точки зрения международного права они обладают лишь правом на внутреннее самоопределение; с точки зрения исторической справедливости они достойны своего государства не меньше, чем те, кто его имеет: они многочисленны, компактно проживают в определенном районе, достигли высокого уровня социальной организации и т. д.

В-третьих, хотя ООН признала территории Западного берега и Сектора Газа оккупированными, Израиль отрицает факт оккупации и право палестинцев на самоопределение. Он, в частности, утверждает, что Декларация Бальфура 1917 г. предусматривает передачу евреям *всей* Палестины; режим оккупации предполагает наличие законного суверена, палестинцы же не находились под властью такого суверена после отторжения от Турции (концепция *missing reversioner*); «оккупация» означает короткий период занятия чужой территории; присутствие же Израиля на Западном берегу длится десятилетиями, и нельзя предсказать, когда и как оно закончится [Blum, 1968; Dinstein, 1994, p. 301; Jarden, 2001, p. 142–143; Sabel, 2010]⁸. Данные аргументы имеют некоторую основу в общем праве, демонстрируя таким образом его неадаптированность к той ситуации *sui generis*, в которой находятся палестинцы.

5) *Суверенитет in abeyance*. Концепция суверенитета *in abeyance* («подвешенного» суверенитета) была разработана в начале XX в.; суверенитет «приостанавливается» во

⁶ «Оседлый житель Средней Азии чувствует себя в первую очередь мусульманином, а затем уже жителем определенного города или местности; мысль о принадлежности к определенному народу не имеет для него никакого значения» [Бартольд, 1964, с. 528]. «Советская власть “перекодировала” все статусы, связи, привилегии и иерархии, создав новую систему социальных координат, в которой “национальность” стала играть одну из ключевых ролей. Реформы 1920-х гг. привели к тому, что национальные классификации из умозрительных конструкций, которые время от времени – локально и ведомственно – использовались властью, превратились в новом государстве в один из основополагающих принципов его устройства и в один из основных инструментов управления» [Абашин, 2008, с. 34].

⁷ Ж. Аллен отмечает: «Во время холодной войны, когда колонизированные государства одно за другим приобретали независимость, курды были маргинализированы и подавлены международной системой, которая определила их в соответствии со ст. 2 (7) Устава ООН, как “дело, по существу входящее во внутреннюю компетенцию”» [Allain, 2004].

⁸ См. также: [The Levy Commission Report].

время оккупации, при осуществлении мандатов⁹, опеки и международного управления (Восточный Тимор, Косово), а также на основании некоторых мирных договоров [Yannis, 2002, р. 1037–1052]. В последнем случае речь идет о ст. 16 Лозаннского договора 1923 г.¹⁰ и ст. 2 Сан-Францисского договора 1951 г., согласно которой Япония отказалась от претензий на Тайвань и некоторые другие острова.

Таким образом, суверенитет *in abeyance* принадлежит сообществам, отстающим в развитии или переживающим политический кризис; после преодоления этих факторов они должны приобрести полный суверенитет; до этого момента от их имени и в их интересах должны действовать иные субъекты. Некоторые режимы, однако, не содержат ответа на важные вопросы: кто должен определять наступление отлагательного условия, кто должен заменять управляющего субъекта в случае его исчезновения или неспособности выполнять свои функции, должны ли исторические аргументы влиять на судьбу управляемой территории.

Применительно к системе мандатов вопрос о замене управляющего субъекта был рассмотрен в Консультативном заключении о статусе Юго-Западной Африки 1950 г.: МС ООН счел, что после исчезновения Лиги функция контроля над выполнением мандата перешла к ООН. В другом случае был найден компромисс: хотя Лозаннский договор возложил обязанность определения судьбы островов, отторгнутых у Турции, на «заинтересованные стороны», судьба островов в Красном море была определена арбитражным судом на основе принципа смежности.

Большие сложности вызвал вопрос о применении ст. 2 Сан-Францисского договора. По мнению США, Тайвань был отторгнут у Японии в результате победы союзников в Тихом океане; его статус в этой связи остается неопределённым до тех пор, пока не будут приняты международные меры по определению его будущего; китайские власти приняли капитуляцию японцев на острове по просьбе союзников, но не обладают титулом на него [Chiang, 1999; Chen Lung-chu, 1998, р. 683]¹¹. Другая позиция состоит в том, что юридически Тайвань является частью Китая, но фактически представляет собой режим *de facto*; применение силы против него в этой связи нарушит ст. 2 (4) Устава ООН [Crawford, 2006, р. 198–221; Hartwig, 2023, р. 23–43]. Китай, в свою очередь, ссылается на исторические основания, преемство, а также Каирскую и Потсдамскую декларации, и считает Сан-Францисский договор, в заключении которого он не участвовал, недействительным или недействующим [Ли Юймин, 2018; Чэнь Синьсинь, 2017]. Доводы, основанные на неопределённости титула, также приводятся применительно к островам Сенкаку (Дяюйдао) и Курильским островам.

Концепция суверенитета *in abeyance* не может быть квалифицирована однозначно. С одной стороны, она была разработана для применения в условиях, отличающихся от европейских, и в этой связи предполагает адаптацию. С другой стороны, она допускает самоопределение лишь в определенных формах, отстраняет от принятия важных решений коренные народы, не ориентируется на учет исторического контекста и может применяться

⁹ «Система Мандатов... является новым институтом – новым отношением между территорией и ее жителями, с одной стороны, и правительствами, которые представляют их на международном уровне, с другой стороны – новым видом международного правления, которое не укладывается в старую концепцию суверенитета и является чуждой ей... Суверенитет над подмандатной территорией отложен; если и когда жители этой территории добьются признания в качестве независимого государства... суверенитет восстановится и будет приобретен новым государством» [International Status of South West Africa, 1950].

¹⁰ «Турция отказывается от всех прав и титулов на... острова, кроме тех, над которыми ее суверенитет признан настоящим Договором, а будущее этих... островов будет урегулировано или должно быть урегулировано заинтересованными сторонами».

¹¹ См.: [Letter to Ambassador Warren Austin, 1950].

как инструмент политического давления. В этом смысле она представляет собой пример *игнорирования*.

4. РЕШЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Рассмотренные примеры подтверждают вывод о том, что международное право скорее игнорирует, чем учитывает азиатские реалии. Эта ригидность имеет несколько причин. *Первая* причина – обусловленность международного права европейским политическим опытом, продуктом которого стало сообщество равных и секулярных государств-наций, отсутствующее в Азии до деколонизации. *Вторая* причина – инструментальное использование международного права Западом. *Третья* причина – пассивность национальных элит азиатских стран, не осознающих консолидирующий и творческий потенциал международного права и не желающих использовать его на благо своих народов¹². Современный дискурс концентрируется на второй и третьей причинах и уделяет недостаточное внимание первой. Основные усилия TWAIL сосредоточены на обеспечении участия Азии в международной системе – сама система при этом принимается как данность.

Так, один из наиболее ярких представителей TWAIL – *Б. Чимни* – предлагает разделять два уровня: цивилизации и государственности. Азиатская цивилизация объединяет различные культуры и интерпретации; азиатская государственность, однако, опосредована структурой мировой экономики, выбранным направлением развития и общепринятой доктриной. Идея «постколониального реванша», призывающая к отказу от западных подходов, является в этой связи изнурительной и представляет собой невыполнимую задачу. Это объясняет, почему сам акт поиска запятнан западными идеями [Chimni, 2008(2), p. 254]. Автономия государств является не злом, но благом – она вынуждает государства поддерживать определенный уровень легитимности и прислушиваться к своим народам; кроме того, она защищает государства от вмешательства и обеспечивает законность (*rule of law*) в международных отношениях [Chimni, 2008(1), p. 62–65]. Данный тезис часто озвучивается и другими авторами [Tomuschat, 2011, p. 224].

Позиция Чимни выглядит убедительной в рамках избранного им марксистского подхода и, возможно, наиболее соответствует опыту Индии, представителем которой он является. Тем не менее она не учитывает два важных момента. *Во-первых*, азиатскому миру свойственны собственные модели политической организации, некоторые из которых походят на европейские, другие – отличаются от них. Эти модели сложились под влиянием объективных факторов и представляют собой оптимальные ответы на вызовы, свойственные региону. Многие из этих факторов и вызовов продолжают действовать, а сами указанные модели сохраняются в общественном сознании и актуализируются по мере эмансипации азиатских народов. *Во-вторых*, рецепция государственных и правовых форм предполагает не только заимствование европейского политического опыта, но и *заимствование христианских идей*. Действительно, государство Нового времени – это прямой результат Реформации, в рамках которой произошла секуляризация идеи вездесущего и управляющего земными делами Бога: носителем этих свойств стало государство, которое Т. Гоббс определил как «смертного Бога» [Гоббс, 1991, с. 133]. Аналогично концепция прав человека синтезировала христианские идеи богоподобия человека и вездесущности Бога. Проблема

¹² Как отмечает Б. Чимни, характерной чертой современного порядка является формирование транснационального капиталистического класса, стремящегося установить законы и институты, которые обеспечат глобализацию производства и финансов через интернационализацию прав собственности и ограничение автономии зависимых и подчиненных государств. Международные институты не обладают собственной властью, но выражают и кристаллизуют классовую власть [Chimni, 2008(1), p. 61–62].

здесь состоит не в том, что западное право может противоречить буддистскому или исламскому канону (это противоречие всегда можно снять искусственным толкованием), но в том, что оно не способствует раскрытию природы человека так, как данная природа определяется этими религиями. Цель буддиста – не индивидуализация, а просветление: современное государство и право прав человека не предлагают ничего или почти ничего для того, чтобы эта цель была достигнута.

Иной подход к проблеме был сформулирован Р. Брукс, по мнению которой попытки построить государство там, где его не было, провоцируют конфликты и насилие. Государство является преходящей и условной формой. История европейского государства – коротка и отмечена постоянным насилием; её можно рассматривать как побочный продукт милитаризма. В Азии же государство представляло собой фиктивную смесь институтов, маскирующих предшествующие формы организации, дополненную функцией насилия, которая была заимствована у европейцев. В обозримом будущем государство как таковое не исчезнет, но некоторые государства прекратят существовать. В их отношении нужно не пытаться зафиксировать государственность, но использовать альтернативы: как новые (международное управление, федерация, делегирование власти частным лицам), так и предшествующие (колониальное управление, протекторат, мандаты): «Вместо того, чтобы поддерживать политические структуры, которые не всегда работают, мы должны признать, что сегодня задача состоит в том, чтобы разработать альтернативы государству, альтернативы, которые бы уважали права человека и демократические императивы, но не были бы парализованы необходимостью подражать государственным структурам, которые практически не имеют самостоятельной ценности» [Brooks, 2005].

Выводы, вытекающие из этого подхода, очевидны. Доктрина и суды должны отказаться от привычной стратегии игнорирования азиатских реалий и применять нормы международного права более гибко, учитывая специфику местных политических традиций и институтов. В одних случаях для этого потребуются констатировать или создать *lex specialis*, в других случаях достаточно изложить оригинальные азиатские концепции на языке современного международного права (именно эту тактику использует Китай, когда он определяет Южно-Китайское море как свои исторические воды, а Тибет – как территорию, в отношении которой он долгое время осуществлял суверенитет). Речь, действительно, идет не об отказе от государства как такового, – но скорее о *расширении* содержания данного понятия и учете при осуществлении международно-правовой квалификации более широкого круга обстоятельств.

Отказ от стратегии игнорирования поможет разрешить некоторые конфликты, а в общем плане станет важным фактором эффективности и универсальности международного права. Связанная с ним опасность фрагментации не должна переоцениваться: во-первых, деятельность Европейского Союза и практики вмешательства создают гораздо большую угрозу для целостности международного права; во-вторых, необходимость переосмысления архаичных концепций, связанных с государственностью, давно назрела – в этой связи некоторые рецепты, разработанные на азиатской почве, вполне могут стать универсальными.

Независимо от отношения доктрины и судов стратегия игнорирования преодолевается в силу объективных причин. Политические процессы в различных регионах Азии свидетельствуют об общей тенденции, направленной на ослабление колониальной инерции, перестройку государственных институтов и обновление механизмов международного сотрудничества. Эти процессы довольно неоднозначны.

В одних случаях происходит вестернизация азиатских обществ и формирование в них демократических институтов по европейскому образцу (Тайвань, Турция, Япония и др.). Эти институты часто сочетаются с традиционными институтами, образуя гибридные мо-

дели – например, основанные на сочетании монархической власти и парламентаризма. Данная вестернизация не сопровождается политической или иной зависимостью, как это имело место в колониальный период; более того, она часто представляет собой реакцию на внешнюю угрозу и попытку обрести собственную, оригинальную идентичность. Как результат, она скорее затрудняет, чем облегчает региональную интеграцию.

В других случаях наблюдается противостояние азиатских и европейских идей. Так, в странах Юго-Восточной Азии (Таиланд, Мьянма, Шри-Ланка) традиционная идеология, основанная на учете заслуг (парами) и предполагающая правление «хороших людей», сталкивается с демократической идеологией, закреплённой в конституциях. Результатом этого столкновения являются военные перевороты, экономические кризисы и социальное напряжение, которые ослабляют государство и становятся предпосылкой для новой зависимости¹³. С другой стороны, данное столкновение является мощным стимулом для модернизации государства и выработки новых политических решений.

Третья группа ситуаций характеризуется стагнацией. Многие государства Ближнего Востока и Центральной Азии законсервировали политическую модель, сложившуюся после приобретения независимости, не пытаются проводить реформы и настороженно относятся к проектам интеграции. В краткосрочной перспективе стагнация гарантирует независимость и стабильность, но в среднесрочной она чревата ростом напряжения и отставанием в развитии. В этой связи существует опасность того, что Центральная Азия повторит негативный опыт Ближнего Востока – пожалуй, самого конфликтного региона в мире. Эффективным способом решения этой проблемы является региональная интеграция.

Четвертая группа ситуаций характеризуется восстановлением традиционных форм государственности и внешней политики. Ряд инициатив Китая, таких как проект «Один пояс – один путь» (ОПОП), Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и Всестороннее региональное экономическое партнерство, свидетельствуют о его намерении вернуть себе статус регионального гегемона. Проект ОПОП реализуется при помощи инструментов, напоминающих те, которые использовались в рамках трибутарной системы [Jiang Zhifeng, 2022, p. 745]¹⁴. Турция также пытается расширить сферу своего влияния: последняя война в Нагорном Карабахе может стать первым шагом к переустройству регионального порядка на Кавказе.

Несмотря на неоднородность указанных процессов, все они осуществляются без прямого участия западных стран и являются самостоятельным ответом азиатских обществ на новые вызовы, – ответом, затрагивающим не только сферу внутренней политики, но и отношение к общему международному праву и региональной интеграции.

С. Честерман рисует три сценария взаимодействия международного права и азиатской цивилизации: сохранение *status quo*, расхождение и конвергенция. Первый сценарий – вероятен, поскольку азиатские страны не имеют альтернативных проектов развития и больше сосредоточены на внутренней сфере. Второй сценарий предполагает три варианта. Первый – проект *Eastphalia*, т. е. создание альтернативы Вестфальскому порядку на основе азиатских ценностей (конфуцианство, коммунитаризм и т. п.). Практическое значение этих

¹³ В 2017 г. Шри-Ланка подписала Концессионное соглашение с китайской госкомпанией *China Merchants Port Holdings*, по которой последней было предоставлено право на управление портом *Hambantota* на 99 лет; по сути, речь идет об отказе Шри-Ланки от суверенитета над частью своей территории.

¹⁴ Для реализации проекта «Один пояс – один путь» Китай заключает первичные и вторичные соглашения. Первичные являются неформальными и необязывающими; они устанавливают рамки проекта, относятся к мягкому праву, но могут иметь правовые последствия (например, через эстоппель). Вторичные заключаются на асимметричной основе: развивающиеся страны не могут повлиять на их содержание и исполнение. Они могут заключаться между китайскими госпредприятиями и принимающими государствами. В 2018 г. премьер-министр Малайзии назвал такие контракты «новой версией колониализма».

ценностей неясно; на них часто ссылаются, чтобы подвергнуть критике западные подходы и подчеркнуть значимость суверенитета (который является европейской концепцией)¹⁵. Второй вариант – *регионализм* – предполагает уточнение универсальных категорий (например прав человека) с учетом азиатской специфики; проблема здесь состоит в том, что регионализм часто означает более низкие стандарты. Третий вариант предполагает создание *параллельных институтов и режимов* (Азиатский банк структурных инвестиций или тот режим, который Китай хочет создать в Южно-Китайском море). Третий сценарий предполагает трансформацию общего права под влиянием азиатских государств: предоставление последним больших прав на участие; дифференциацию экономической помощи, изменение дипломатических практик. Этот сценарий выглядит более вероятным. Его реализация замедлит прогрессивное развитие права (например в сфере прав человека), но гарантирует более плюралистический порядок [Chesterman, 2017, p. 967–977].

Все эти сценарии не исключают, но скорее дополняют друг друга. Действительно, некоторые институты международного права, по-видимому, сохраняют свое содержание (например право безопасности или гуманитарное право), другие – приобретут более дифференцированный вид (например право прав человека). Некоторые азиатские проекты уже сегодня являются альтернативой западным подходам (например АСЕАН), другие могут стать такой альтернативой в будущем. Наконец, влияние азиатских государств на общее право не должно ограничиваться корректировкой отдельных норм; целый ряд концепций и институтов должен быть изменён радикальным образом – не только для того, чтобы учесть интересы неевропейских государств, но и для того, чтобы избавиться от архаизмов предшествующей эпохи¹⁶.

Наиболее важными вопросами, которые предстоит решить, являются следующие. *Во-первых*, это вопросы, рассмотренные в настоящей статье и касающиеся организации власти, территориальных титулов и права на самоопределение. От их решения зависит все остальное: если азиатские общества не *облекутся* в органичные для них политические формы, они не состоятся как полноправные члены международного сообщества. *Во-вторых*, это вопрос о преодолении последствий колониализма: территориальных, политических, экономических и иных. Данный вопрос должен рассматриваться не только на уровне академических публикаций, но и в залах международных судов (в этом смысле Заключение об отделении Чагоса является обнадеживающим знаком). *В-третьих*, это некоторые «сквозные» вопросы, неактуальные для западных государств, но крайне важные для Азии – речь идет о распределении водных ресурсов, режиме анклавов и проч. *В-четвёртых*, это вопрос об универсализации институтов, испытывающих на себе отчетливое влияние европейской культуры – речь идет о правах человека, экономическом праве и некоторых других. Этот вопрос является довольно сложным и интригующим и не может быть решен усилиями одних лишь юристов.

Обозначенная перспектива не является единственной и неизбежной. На наших глазах происходит политическая трансформация Запада; Азия, соответственно, оказывается перед выбором – законсервировать институты, созданные по западному образцу, последовать примеру Запада и пройти через новый этап заимствований или разработать собственный

¹⁵ Б. Чимни считает, что азиатская цивилизация основана на трех постулатах: философии ненасилия, инклюзивном космополитизме (синтезе и циркуляции широкого спектра культурных и политических практик) и акценте на спиритуализме (идее духовной трансформации) [Chimni, 2008(2)].

¹⁶ «Что нужно сделать, чтобы те, “кого следует вывести за дверь” сегодняшнего глобального правопорядка – государства, не входящие в остатки альянсов безопасности развитых стран времен холодной войны, коренные народы, глобальный экономический прекариат, жертвы неравенства, встроенного в современные структуры управления мировой торговлей, кризисами здравоохранения, изменением климата и т. д., – не просто спорадически, на определенных условиях входили в эту дверь, но скорее срывали ее с петель?» [Martínez Mitchell, 2021].

ответ на новые вызовы и вступить с Западом в равноправный диалог. Этот выбор должен быть сделан азиатскими странами самостоятельно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении следует сказать несколько слов о важности рассмотренной проблемы для России.

Во-первых, России необходимо выработать позицию по отношению к конфликтным ситуациям в Азии: спорам, стороной которых является она сама (режим Каспийского моря и делимитация в его южной части, принадлежность Курильских островов и др.); конфликтам на ее периферии (проблема анклавов, разделяющая Азербайджан и Армению, а также Таджикистан и Кыргызстан); спорам с участием ее союзников – Ирана, ОАЭ и Китая; и, наконец, спорам, которыми занимается Совет Безопасности ООН (арабо-израильский конфликт и др.). Российская дипломатия должна иметь в своем распоряжении не только политические, но и правовые аргументы.

Во-вторых, по отношению ко многим ситуациям Россия находится в уникальном *равноудаленном* положении, обладая авторитетом в глазах обеих сторон и инструментами, способными повлиять на их позицию. Этот дипломатический капитал является во-многом наследием СССР, который в течение десятилетий предпринимал шаги, направленные на упрочение отношений с развивающимися странами. В настоящее время он используется в недостаточной степени: Россия постепенно утрачивает статус главного посредника на Кавказе и занимает скорее пассивную позицию по отношению к конфликтам на Ближнем Востоке, а также в Центральной и Восточной Азии.

В-третьих, будущее Кавказа и Центральной Азии – многовариантно. Основные альтернативы: сотрудничество или противостояние; самостоятельность или зависимость; гегемония или равенство; горизонтальные связи или наднациональность; одновекторность или многовекторность; согласованная политика внешних акторов (России, Турции, Китая и Запада) или их конкуренция. Оптимальным вариантом развития выглядит постепенная интеграция – широкая, инклюзивная и учитывающая особенности этих регионов. Существующие объединения (ЕАЭС, СНГ и ШОС) не удовлетворяют всем этим требованиям и нуждаются в реформировании.

В-четвертых, Россия выступает в качестве бывшего имперского центра по отношению к странам Центральной Азии и Кавказа; в этой связи острее антиколониальной полемики может быть обращено и против нее. С другой стороны, она позиционирует себя как антагониста Запада и носителя традиционных азиатских ценностей. Оба этих обстоятельства являются естественными стимулами для научной дискуссии – как по общим вопросам действия международного права в Азии, так и по отдельным конфликтным ситуациям. В настоящее время такая дискуссия, к сожалению, не ведется.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Абашин С.Н. *Этнографическое знание и национальное строительство в Средней Азии*. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2008 [Abashin S.N. *Ethnographic knowledge and nation-building in Central Asia*. Abstract of a DSc Thesis. Moscow, 2008 (in Russian)].

Бартольд В.В. *Сочинения*. Т. II. Ч. 2. М.: Наука, 1964 [Bartold V.V. *Works*. Vol. 2. Part 2. Moscow: Nauka, 1964 (in Russian)].

Гоббс Т. *Сочинения*. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991 [Hobbes Th. *Works*. In 2 vols. Vol. 2. Moscow: Mysl, 1991 (in Russian)].

Ли Юймин. Реституционные формы территориальных изменений и правовой статус Тайваня. *Исторический ежемесячник*. 2018. № 3. С. 87–105 (李育民 领土变更的“归还”形式与台湾的法律地位 // 台湾史研究 2018年第3期, 87–105页) [Li Yueming. Restorative Forms of Territorial Change and the Legal Status of Taiwan. *History Monthly*. 2018. No. 3. Pp. 87–105 (in Chinese)].

Чэнь Синьсинь. Международно-правовые основы правового статуса Тайваня. *Международно-правовые исследования*. 2017. № 3. С. 37–47 (陈欣新 台湾法律地位的国际法理据 // 国际法研究 · 2017年第3期, 37–47页) [Chen Xinxin. International legal foundations of the legal status of Taiwan. *International Legal Studies*. 2017. No. 3. Pp. 37–47 (in Chinese)].

Allain J. *International Law in the Middle East: Closer to Power than Justice*. Burlington: Ashgate, 2004.

Asghar Ja'fari Valadani. The Historical and Legal Foundations of Iran's Sovereignty over Tunb and Abu-Musa Islands. *Iranian Review of Foreign Affairs*. 2015. No. 6 (2). Pp. 155–183.

Blum Y. The missing reversioner: reflections on the status of Judea and Samaria. *Israel Law Review*. 1968. Vol. 3. No. 2. Pp. 279–301.

Brooks R.E. Failed States, or the State as Failure? *The University of Chicago Law Review*. 2005. No. 72 (4). Pp. 1159–1196.

Carty A. Carl Schmitt, Nomos of the Earth, and the Question of Historic Title in International Law. *Korean Journal of International and Comparative Law*. 2019. Vol. 7. No. 2. Pp. 135–143.

Chen Lung-chu. Taiwan's Current International Legal Status. *New England Law Review*. 1998. Vol. 32. No. 3. Pp. 675–684.

Chesterman S. Asia's Ambivalence about International Law and Institutions: Past, Present and Futures. *European Journal of International Law*. 2017. No. 27 (4). Pp. 945–978.

Chiang Y.F. State, Sovereignty, and Taiwan. *Fordham International Law Journal*. 1999. Vol. 23. No. 4. Pp. 959–1004.

Chimni B.S. An outline of a Marxist course on public international law. *International law on the left: re-examining Marxist legacies*. S. Marks (ed.) Cambridge: Cambridge University Press, 2008(1). Pp. 53–91.

Chimni B.S. Is there an Asian approach to International Law? Questions, theses and reflections. *Asian Yearbook of International Law*. 2008(2). Vol. 14. Pp. 249–264.

Crawford J. *The Creation of States in International Law*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

Dinstein Y. The Arab-Israeli Conflict from the Perspective of International Law. *University of New Brunswick Law Journal*. 1994. Vol. 43. Pp. 301–318.

Falk R. Problems and Prospects for the Kurdish Struggle for Self-Determination After the End of the Gulf and Cold Wars. *Michigan Journal of International Law*. 1994. Vol. 15. No. 2. Pp. 591–603.

Hartwig M. The Relationship between the People's Republic of China and Taiwan from the perspective of international law: How many Chinas exist in international law? *Questions of International Law*. 2023. Vol. 97. Pp. 23–43.

Jarden E. The Israeli-Palestinian conflict in international law. *Israel and a Palestinian State; Zero Sum Game?* A. Stav (ed.) Shaarei Tikva, 2001. Pp. 132–146.

Jiang Zhifeng. Pacta Sunt Servanda and Empire: A Critical Examination of the Evolution, Invocation, and Application of an International Law Axiom. *Michigan Journal of International Law*. 2022. Vol. 43. Pp. 745–801.

Martínez Mitchell R. Towards an 'Asian Faction' in International Law: on Third Worldism and Contingent Eurocentrism Since the Second Hague Conference of 1907. *Harvard International Law Journal Online*. 06.12.2021. <https://journals.law.harvard.edu/ilj/2021/12/towards-an-asian-faction-in-international-law-on-third-worldism-and-contingent-eurocentrism-since-the-second-hague-conference-of-1907/> (accessed: 09.10.2024).

Mojtahedzadeh P. History of Abu-Musa and the Tunbs. *Persian Gulf Studies Center*. 03.09.2014. <http://www.persiangulfstudies.com/en/index.asp?P=NEWSVIEW&ID=44> (accessed: 09.10.2024).

Radpey L. Towards A United Kurdistan: Prospects for Kurdish Self-Determination. *Ejiltalk*. 24.07.2023. <https://www.ejiltalk.org/towards-a-united-kurdistan-prospects-for-kurdish-self-determination> (accessed: 09.10.2024).

Roshandel J. On the Persian Gulf Islands: an Iranian Perspective. *Origins, Obstacles, and the Search for Consensus*. L.G. Potter, G.G. Sick (eds.) New York: Palgrave, 2002. Pp. 135–153.

Sabel R. International Legal Issues of the Arab-Israeli Conflict an Israeli Lawyer's Position. *Journal of East Asia and International Law*. 2010. Vol. 3. Pp. 407–422.

Sperling E. *The Tibet-China Conflict: History and Polemics*. Washington: East-West Center Washington, 2004.

Tanaka Y. Between Stability and Change: The Concept of Historical Consolidation of Title in the Acquisition of Territory. *Netherlands International Law Review*. 2021. Vol. 68. Pp. 189–217.

Tin-bor Hui V. Toward a Confucian Multicultural Approach to a Liberal World Order: Insights from Historical East Asia. *Proceedings of the Annual Meeting (American Society of International Law)*. 2005. Vol. 99. Pp. 413–416.

Tomuschat Ch. Asia and International Law—Common Ground and Regional Diversity. *Asian Journal of International Law*. 2011. Vol. 1. Pp. 217–231.

Van Walt M. *The Status of Tibet: History, Rights and Prospects in International Law*. Boulder; London: Westview Press – Wisdom Press, 1987.

Visscher Ch. de. *Theory and Reality in Public International Law*. Princeton: Princeton University Press, 1967.

Wang Chenyu. *The Status of Tibet in International Law – From the 1840s to the 1950s*. Utrecht: Universiteit Utrecht, 2021.

Yannis A. The Concept of Suspended Sovereignty in International law. *European Journal of International Law*. 2002. Vol. 13. No. 5. Pp. 1037–1052.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ТОЛСТЫХ Владислав Леонидович – доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Vladislav L. TOLSTYKH, DSc (Law), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.